

Междукняжеская война Святославичей 970-х гг.

Первым династическим конфликтом, спровоцировавшим братоубийство в роду Рюриковичей и являвшимся своеобразным прологом к гибели Бориса и Глеба, стала война между сыновьями киевского князя Святослава Игоревича — Ярополком, Олегом и Владимиром, которые получили власть в Киевской, Древлянской и Новгородской землях соответственно.

Владимир, — внебрачный сын Святослава и ключницы Малуши, — приобщился к политике случайно, когда по просьбе явившейся в Киев в 969 или 970 г. новгородской «делегации» был отправлен княжить в Новгород под надзором Добрыни, своего дяди по матери, после того как от власти в городе на Волхове отказались его старшие братья Ярополк и Олег, которые предпочли княжения в землях полян и древлян. Впрочем, насчет достоверности рассказа о приглашении Владимира на княжение в Новгород В. В. Пузановым высказаны сомнения, суть которых состоит в том, что этот сюжет мог возникнуть под влиянием политических реалий начала XII в.¹ Они представляются

¹ Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкторы. Ижевск, 2007. С. 253–254.

- 6 достаточно обоснованными, учитывая, что в политической практике Новгорода замещение новгородского стола по выбору новгородцев впервые происходит в конце XI столетия², а до этого имеет место назначение новгородских князей из Киева.

Раздел княжений, предпринятый Святославом, оказался поворотным моментом для древнерусской государственности: с этого времени неделимое прежде в роду Рюриковичей господство над восточнославянскими племенными объединениями, почти столетие обязанными варяжским правителям Киева данью, а в случае необходимости и военной поддержкой, оказалось раздроблено. Трудно сказать, насколько беспрецедентным было это решение Святослава. По словам византийского императора Константина VII Багрянородного (912–959), сам он при жизни отца сидел на княжении в «Немогарде»³, который можно отождествить не столько с современным Великим Новгородом, зародившимся, по археологическим данным, лишь к середине X столетия, сколько с древнейшей резиденцией новгородских князей, известной как «Рюриково Городище»⁴.

Летописи молчат о том, на каких условиях Святослав, якобы собиравшийся перенести свою резиденцию в Переяславец на Дунае, завоеванный им во

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись [2-е изд.]. М., 2001. Стб. 229.

³ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989. С. 45, 311–312.

⁴ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 116, 179–180; *Горский А. А.* Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 93–94.

время болгарской кампании конца 960-х гг., разделил земли между своими сыновьями. Как бы то ни было, после его гибели в схватке с печенегами у днепровских порогов при возвращении на Русь в 972 г., братья нового киевского князя могли оказаться для него как деятельными помощниками в деле сбора дани с восточнославянских племенных союзов, так и потенциальными политическими противниками. Как полагает А. В. Назаренко, оснований представлять положение Ярополка особым по отношению к братьям нет, поскольку первые Рюриковичи, подобно франкским Меровингам и Каролингам, управляли землями по принципу «братского совладения» или «родового сюзеренитета», при котором власть была «прерогативой не одной личности, а всего правящего рода». Согласно мнению исследователя, «это могло быть связано с изначальным представлением о сакральной природе королевской власти», на которую распространялось «общее наследственное право, предполагавшее равное наделение всех сонаследников, причем в наиболее архаических случаях сыновья от наложниц уравнивались с сыновьями от свободных жен». Поэтому «обязательной проблемой дальнейшего государственного развития становилась необходимость выработать четкую систему престолонаследия, которая, с одной стороны, покоилась бы на родовом сюзеренитете, а с другой — гарантировала сохранение государственного единства»⁵.

⁵ Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 503.

- 8 Эта гипотеза восходит к «родовой теории», в классической модели которой, сложившейся во второй четверти XIX столетия в трудах И. Ф. Г. фон Эверса, А. М. Ф. фон Рейца, К. Д. Кавелина и С. М. Соловьёва, княжеская власть рассматривалась как «родовое имущество», при пользовании которым старший в роду получал приоритет «в отца место». Однако, как будет показано ниже, более соответствующей источникам является мысль, выраженная в 1876 г. И. Е. Забелиным, полагавшим, что «первым и естественным законом жизни» рода было равенство братьев, вследствие чего «власть старшего брата была, собственно, власть братская, очень далекая от понятий о самодержавной власти отца» и «для родичей — братьев, он все-таки был брат, от которого естественно было требовать отношений братских, так как и для родичей племянников, он все-таки был не прямой отец, а дядя, от которого точно также естественно было требовать отношений старшего родственника, но не прямого отца»⁶.

Свидетельство Константина Багрянородного, как и свидетельства древнейшей русской летописи — «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), дошедшей до нас, согласно А. А. Шахматову, в редакциях 1116 г. (по Лаврентьевской летописи и сходных с ней) и 1118 г. (по Ипатьевской летописи), — позволяют предполагать, что первые киевские правители довольствовались присвоением экономических ресурсов и лишь позднее перешли к установлению политического господства над восточнославянскими

⁶ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 524.

территориями. Во второй половине X в. «освоение» племенных княжений Рюриковичами, контролировавшими из Новгорода и Киева важную торговую артерию — путь «из варяг в греки» — видимо, только начиналось, поэтому власть князя Святослава, судя по разделу 970 г., распространялась лишь на земли полян, древлян и новгородских словен.

Конфликт между Святославичами не заставил себя долго ждать. Согласно ПВЛ, он разразился в 975 г., когда древлянский князь Олег убил за браконьерство в своих владениях Люта, сына киевского воеводы Свенельда — влиятельного приближенного его отца Святослава, деда Игоря и бабки Ольги, который в 942 г. получил от киевского князя право взимания дани с древлян⁷. В чем могла заключаться причина конфликта Олега с сыном воеводы, неизвестно. Как рассказывает летописец, «однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег, и спросил своих: „Кто это?“ И ответили ему: „Свенельдич“. И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: „Пойди на своего брата и захвати волость его“. Интриги Свенельда увенчались успехом в 977 г.: «Пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполнились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров

⁷ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 110.

- 10 к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало, и кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: „Ви-дел я, как вчера спихнули его с моста“. И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: „Смотри, этого ты и хотел!“. И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк». Узнав об этом, Владимир бежал «за море» и его волость перешла к Ярополку, который отправил в Новгород своих посадников. Согласно летописной хронологии, в 980 г. Владимир вернулся на Русь с помощью скандинавских наемников-варягов: первым делом он выгнал из Новгорода киевских посадников и объявил войну брату⁸.

А. А. Шахматов подверг сомнению летописный рассказ о причинах конфликта Святославичей и, опираясь на то, что в Новгородской I летописи младшего извода (далее — НІЛМ), которая отразила более ранний этап развития летописной традиции, чем составленная в начале XII в. ПВЛ, воеводой Ярополка был назван Блуд, предположил, что именно он был инициатором конфликта, а имя Свенельда и сюжет о Люте Свенельдиче появились при составлении

⁸ Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века (далее — ПЛДР) / Пер. с древнерусского языка Д. С. Лихачёва. М., 1978. С. 89, 91.

«Начального свода» примерно в 1093–1095 гг. Шахматов отождествил Люта Свенельдича с другим сыном Свенельда — Мстишей, упоминаемым в летописной статье 945 г. после рассказа об убийстве в Древлянской земле князя Игоря, и высказал предположение, что Мстиша, в свою очередь, тождественен древлянскому князю Малу, чьи подданные убили пытавшегося собрать дань сверх положенной нормы Игоря, привязав его к двум согнутым деревьям, которые, распрямившись, разорвали его на части. Предположение Шахматова основывалось на синтезе информации НІЛМ, где сообщалось, что Игорь отдал право сбора дани в Древлянской земле Свенельду, и ПВЛ, согласно которой злополучная экспедиция была предпринята князем по настоянию дружины, упрекавшей его в том, что дружинники Свенельда были лучше одеты и вооружены⁹. Как полагал исследователь, в первоначальной редакции летописного текста гибель Игоря являлась следствием его конфликта с сыном Свенельда, но при составлении «Начального свода» эта информация была устранена, чтобы представить Свенельда не врагом, а союзником князя, для чего Мстиша Свенельдич был превращен в древлянского князя Мала, павшего жертвой неудачного сватовства к вдове Игоря Ольге¹⁰. Завершающим элементом реконструкции Шахматова стала актуализация гипотезы Д. И. Прозоровского, который

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54–55; Там же. Т. 3. С. 109, 110.

¹⁰ См. *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 244–254.

- 12 предлагал отождествить с древлянским князем Малом отца ключницы Малуши Малка из Любеча¹¹. Несмотря на то, что в предложенной Шахматовым интерпретации событий можно отметить ряд важных наблюдений (например, предположение о столкновении в Древлянской земле экономических интересов Игоря и Свенельда), в целом она выглядит искусственной и скептическое отношение к ней представляется вполне оправданным¹².

А. А. Шахматов выделил еще одну вставку в летописный рассказ о войне Святославичей — сюжет о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери варяга Рогволода, который пришел «из заморья» и установил свою власть в Полоцке. По свидетельству ПВЛ, Владимир «послал к Рогволоду в Полоцк сказать: „Хочу дочь твою взять себе в жены“. Тот же спросил у дочери своей: „Хочешь ли за Владимира?“ Она же ответила: „Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка“... И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк

¹¹ *Прозоровский Д.* О родстве св. Владимира по матери // Записки Академии Наук. Т. 5. 1864. С. 17–26; *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 255–257.

¹² Ср.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 195–196; *Поппэ А. В.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники, 1973 (памяти А. Н. Насонова). М., 1974. С. 69–86, 91; *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 1997. С. 14–15; *Королёв А. С.* Святослав. М., 2011. С. 47–50; *Ранчин А. М.* Борис и Глеб. М., 2013. С. 22–25.

и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены». Включение этого сюжета в летопись, очевидно, вызвано необходимостью проиллюстрировать некоторые из причин соперничества Святославичей. Книжник XII в., повторивший эту историю под 1128 г. при составлении протографа Лаврентьевской, Радзивилловской и сходных с ними летописей (последним конечным звеном для которых считается «свод 1206 г.»), представляет его более драматично. Он пишет, что после того как Рогнеда отказалась выйти замуж за новгородского князя, на том основании, что он сын рабыни, «Владимир разгневался от той речи» и «пожаловался Добрыне и исполнился ярости и собрав воинов пошел на Полоцк и победил Рогволода. Рогволод же вбежал в город и приступил к городу и взял город [Владимир] и самого [Рогволода] взял, и жену его, и дочь его. И Добрыня оскорбил его и дочь его и нарек ее дочерью раба и повелел Владимиру овладеть ею перед ее отцом и матерью. Потом [Владимир] отца ее убил, а саму ее взял в жены и нарек ей имя Горислава и породил Изяслава».

13

Так как Рогнеда была отнюдь не единственной женой Владимира, это могло вызвать в ней чувство ревности, а заодно и стремление отомстить за смерть родственников, поэтому она попыталась убить Владимира. Однажды, когда он пришел к ней и уснул, пишет далее летописец, она попыталась зарезать его ножом, но князь проснулся и схватил ее за руку. Рогнеда стала жаловаться, что Владимир убил ее отца, захватил его власть, но не любит ее. Князь велел ей одеться в дорогие одежды («утварь царскую») и приготовиться к казни. Она же вложила меч в руку своему сыну Изяславу и сказала: «Когда войдет отец

- 14 твой, выступи вперед и скажи: „Отец, ты думал, входя, что ты здесь один?“» Владимир же — продолжает летописец, — отвечал: «„А кто предполагал, что ты здесь?“ и поверг меч свой»¹³. Казнь Рогнеды не состоялась: по совету бояр Владимир отдал ей вместе с Изяславом «отчину ее», Полоцкую землю, которая, таким образом, приобрела статус автономной волости, фактически вышедшей из системы «коллективного совладения» Рюриковичей, и на протяжении 250 лет управлявшейся потомками Изяслава. Лишь на некоторое время киевским князьям — потомкам его брата Ярослава, — удавалось силой подчинить его своей власти (в 1069–1071 и 1129–1132). Антагонизм между полоцкими и киевскими князьями был столь очевиден, что автор статьи 1128 г. констатировал: с тех пор внуки Рогволода «меч взимают» против внуков Ярослава, хотя подобное противопоставление было не совсем корректным, поскольку киевские князья являлись внуками Рогволода, также как и их полоцкие соперники.

Рассматривая сюжет об убийстве Рогволода как вставку, надо полагать, что полоцкий инцидент имел место еще до объявления войны Ярополку, ибо, по завершении рассказа о женитьбе Владимира на Рогнеде под 980 г.¹⁴, составитель ПВЛ вспоминает о том,

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 300.

¹⁴ Некоторые исследователи, отвергая летописную дату, принимают датировку, предложенную в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова-«мниха», который относит вокняжение Владимира в Киеве к 978 г. (Карпов А. Ю. Владимир Святой. С. 87–88; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 363–371; Свердлов М. Б.

что новгородский князь пошел на Ярополка. «И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: „Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него“. И сказал Блуд послам Владимировым: „Буду с тобой в любви и дружбе“<...>.

Затворился Блуд (в городе) вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: „Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: ‘Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка’. Беги же из города“. И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: „Беда как в Родне“.

Домонгольская Русь. С. 243–244; Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 126–128), что представляется более верным, если учесть тот факт, что первоначальный сюжет был монотематическим и хронологическая сетка появилась в нем позднее.

- 16 И сказал Блуд Ярополку: „Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим“, — так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: „Пусть так!“ И послал Блуд к Владимиру со словами: „Сбылась-де мысль твоя, и, как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его“. Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: „Пойди к брату своему и скажи ему: ‘Что ты мне ни дашь, то я и приму’“. Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: „Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов“, и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк»¹⁵.

Касательно этого инцидента представляются интересными рассуждения И. П. Еремина, который писал, что «аномалия» летописного рассказа о смерти Ярополка Святославича заключается не в том, что Ярополк, как и его брат Олег, гибнет — и тоже косвенно — от руки родного брата, а в том, что Ярополк гибнет у летописца не так, как мы вправе были бы этого ожидать, судя по тяжести его злодеяния. Известно, как жестоко наказал летописец Святополка Окаянного за аналогичный грех — за усобицу и братоубийство. Ярополк же за свой грех заслужил не «казнь», а «награду»: он, первый на Руси бросивший в братию свою «ножь» раздора, погибает у летописца не как герой отрицательный, а как положительный, как

¹⁵ ПЛДР. XI — начало XII века. С. 91, 93.

«мученик-страстотерпец». Исследователь полагал, что «неожиданный поворот в летописной судьбе Ярополка» объясняется тем, что ее финал попал в житие князя Владимира, поэтому он «разделил судьбу героев нового повествовательного ряда»¹⁶. 17

К этому можно добавить еще несколько важных обстоятельств. Во-первых, Владимир, начавший войну с Ярополком в целях собственной безопасности, никак не возражает против его физического устранения. Во-вторых, Ярополк лишается сначала власти, а затем и жизни, вследствие предательства своего доверенного лица — воеводы Блуда, который воплощает в себе популярный в средневековом историописании (и в ПВЛ в частности) стереотипный образ «злого советника», на которого летописцы и агиографы стремились взвалить все княжеские грехи. Чтобы еще более сгустить краски, составители Начальной летописи «внедрили» в текст упоминания о вдове Ярополка: «Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк», сопровождая этот факт развернутым комментарием о том, что «от греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира». Относительно интерпретации этого феномена существуют значительные расхождения. По мнению И. Я. Фроянова, в данном случае речь идет «об особенностях перехода в древних обществах

¹⁶ Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы [2-е изд.]. Л., 1987. С. 53.

- 18 власти от одного правителя к другому, часто приобретаемой посредством убийства властителя соперником, претендующим на его должность. Этот способ практиковался и на Руси IX–X вв. Убив правителя, соперник получал не только власть, но также имущество, жену и детей побежденного». Именно поэтому «князь Владимир, умертвив Ярополка, „залеже“ его жену, „от нея же родися Святополк“. Правомерно предположить, — заключает исследователь, — что вместе с княжеским столом Владимир взял жену и сына убитого Ярополка»¹⁷. С точки зрения Н. И. Милютенко, «женитьба была вызвана не похотливостью князя, а желанием избежать кровной мести в близкородственном кругу. Женившись на вдове убитого, Владимир предлагал самого себя в возмещение», поэтому «монахиня-гречанка не пыталась мстить князю, зато Святополк расплатился сполна, убив своих двоюродных братьев свв. Бориса и Глеба»¹⁸. По убеждению С. Я. Сендеровича, летописное свидетельство о рождении Святополка от монахини-расстриги следует воспринимать скорее как знак идеологической отмеченности, чем как исторический факт¹⁹. Как раз в последнем качестве оно интерпретируется в «Анонимном сказании».

С одной стороны, его составитель (или, вероятнее, редактор) писал, согласно с летописью, что мать

¹⁷ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М., СПб., 1995. С. 56–57.

¹⁸ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 138.

¹⁹ Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1. Кн. 1. С. 487 (прим. 12).

Святополка, гречанка, прежде была монахиней. «Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он», а с другой — признавал Святополка сыном Владимира (третьим по счету), представляя сам факт его рождения как грех язычника. Этому противоречию можно предложить двоякое объяснение: одно из них заключается в том, что даже если фактически Владимир не был отцом Святополка, с точки зрения родовых отношений он формально все равно должен был заменить ему отца как старший в роду; другое объяснение может заключаться в том, что в данном фрагменте «Анонимного сказания», — текст которого, согласно одной из гипотез, сложился в два этапа, — могла отразиться редакторская правка. О том, что «Анонимное сказание» испытало влияние ПВЛ, говорит фрагмент, сходный с летописной статьей 980 г., где сообщается, что «от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб»²⁰. Версия о болгарском происхождении Бориса и Глеба породила различные гипотезы, о которых будет сказано ниже.

Если летописная статья 980 г., сообщающая о рождении Святополка, претерпела редакторскую правку,

²⁰ ПЛДР. XI — начало XII века / Пер. с древнерусского языка Л. А. Дмитриева. С. 278, 279.

- 20 связанную с церковным прославлением Бориса и Глеба, то у автора ее первоначального текста вряд ли были основания для того, чтобы отрицать родственную связь по нисходящей линии между Владимиром и Святополком. Возможно, появление в древнерусском историописании этой тенденции в условиях развития Борисоглебского культа было вызвано необходимостью дистанцироваться от прямого родства со Святополком, тем более что «Анонимное сказание», как считают исследователи, должно было способствовать возвеличению Ярослава и «рода праведных»²¹. В любом случае, и в летописи, и в «Анонимном сказании» эта легенда отвечала агиографическим задачам, позволяя установить символическую связь между «беззаконным» происхождением Святополка и его «окаянными» деяниями. Весьма широк и диапазон интерпретации этой легенды, вплоть до символического отождествления Святополка с Антихристом²².

Если принять во внимание гипотезу о том, что действия Владимира были продиктованы языческим обычаем, становится понятным негативное отношение к Святополку, сформировавшееся в древнерусском историописании под влиянием духовенства, хотя в «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба»

²¹ Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. С. 449, 450; Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М., 2007. С. 253.

²² Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 67, 178.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru